

ВОСТОЧНОЕ И ЗАПАДНОЕ МОНАШЕСТВО

Чем православное монашество отличается от католического? Тем, что для православного монаха монашество это образ жизни, а для католического — образ деятельности. Православное монашество — отрицание мира и всего, что в мире, ради одного Господа; а католическое монашество — служение миру, возможно, тоже ради Господа, однако такое служение в гуще мира прогиворечит самой сущности монашества. Когда к преподобному Антонию пришли философы (по-видимому, пифагорейцы) и спросили: «Вы, монахи, отрекаетесь от брака, — и мы сохраняем целомудрие; вы отрицаетесь от мирских стяжаний, — и мы презираем богатство; какая же разница между вами и нами?» Преподобный Антоний ответил: «Мы очищаем свое сердце от помыслов и не доверяем своему разуму». Философы сказали: «Да, мы этого совершить не можем».

Очищение своего сердца от страстных помыслов и образов мира для стяжания божественного света является основой монашеской жизни. Есть много великих святых, которые жили в миру. Они брали на себя подвиги: ухаживать за больными, кормить голодных, раздавать милостыню, воспитывать сирот. Среди них такие имена, как Филарет Милостивый⁴⁰⁶, Сампсон Странноприимец⁴⁰⁷ и т. д. Их подвиги были спасительны, они стяжали ими святость. Мы вспоминаем их жизнь с благодарностью за то, что на нашей земле еще не иссякла любовь. Но в то же время надо помнить, что их жизнь была далекой от монашеского идеала, если можно так сказать, они сделали все возможное в своем мирском чине. А для монаха эти добродетели являются детской одеждой.

Можно сказать, что монашество — наиболее полное исполнение первой и наибольшей заповеди: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею»⁴⁰⁸ за счет второй, которую Господь назвал подобной ей: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»⁴⁰⁹. Внешне как будто это так, но на самом деле монах является большим благодетелем для человечества, чем тот, который, находясь в миру, с утра до вечера трудится для людей. Мы оцениваем само добро слишком материалистично, забывая, что все истинно великое невидимо, и само бытие этого мира во многом зависит от молитв тех, кто отрекся от мира и посвятил себя Богу. В патериках описаны случаи, когда Господь открывал мона-

хам, что выше всего подвиг исихии — безмолвия и молитвы, но надо сказать, что этот подвиг самый трудный на свете.

Служение людям, каким бы оно ни было, для монаха сопряжено с пробуждением страстей, бурей помыслов, образов и картин этого мира, с планами, воспоминаниями, оценками, осуждением и т. д. Святые Отцы учат, что Иисусова молитва заповедана всем — монахам и мирянам, но глубина этой молитвы далеко не одна и та же. Пусть проверит живущий в миру, достиг ли он хотя бы относительной чистоты молитвы, и увидит, какое густое облако помыслов стоит между его душой и словами молитвы, как мало он вникает в смысл молитвы, как трудно ему сочитать душу со словами молитвы, чтобы ощутить ее духовное благоухание. То, что мы видим, что мы слышим, чем мы интересуемся, что окружает нас, — все оседает в памяти нашего сердца и во время молитвы делает наш ум немощным и слабым. Теперь монашество забыло о главном — об исихии, и все больше становится частью этого мира. Оно немощно, потому что потеряло внутреннюю молитву. Но можно сказать по-другому: оно немощно и потому потеряло Иисусову молитву, и пытается найти оправдание себе в мирских добродетелях — в том, что может быть прекрасно для мирян, но несвойственно, а потому не спасительно для монахов.

Представьте границы государства, которые стерегут и защищают воины от коварного и беспощадного врага. Может ли воин оставить свой пост и пойти заниматься

благотворительностью, не будет ли он в это время преемателем своего звания? Ему скажут: твое добро было в том, что ты охранял и защищал нас, а сеять пшеницу и доить коров мы можем и без тебя. Если монах ведет правильный образ жизни, то благодать Божия открывает ему, что молитва монахов защищает мир от самых страшных врагов — демонов. Он, не гордясь своим подвигом, понимает смысл монашества — стоять на передовой линии невидимой битвы, где сражения не затихают ни на минуту. Мы как будто забыли о том, что молитва — это самый великий после таинств Церкви дар, которым Господь наделил людей. Христос говорит, что на Страшном Суде христиане будут судиться, прежде всего, по заповеди о милосердии: посещения больных и узников, помощи неимущим и т. д., но монах, сидя в келье, молитвой своей посещает больных, приходит в темницы, утешает невинных и призывает к покаянию виновных. Уединившись от мира, он дает пищу голодным руками других людей, которые, может быть, без его молитв с окаменелым сердцем прошли бы мимо этих несчастных. По молитвам безмолвника преподобного Арсения Великого Византия была спасена от страшного землетрясения, которое должно было уничтожить большую часть ее населения. Какая благотворительность сможет сравниться с этим? Когда человек принимает монашество, то Господь посылает вместо него ангела в мир, который помогает тем, кому в миру мог бы помочь этот человек. Если монах занимается мирскими делами, то ангел отходит. В патерике описан случай: умирал в

одиночестве монах, и около него стоял ангел; рядом умирал другой монах в кругу духовных друзей, там не было ангела, потому что монах получил утешение от людей. Старцы говорили: «Даже в монастыре будь как странник», т. е. не теряй в монастыре великой радости — быть одному с Богом.

Мы говорим о том, что католическое монашество давно потеряло исихию. Но здесь мы указываем на его характер и общие тенденции.

И в католичестве существуют монастыри, изолированные от мира, но их насельников чрезвычайно мало, они являются как бы архаизмами в католичестве, во всяком случае, существенно не влияют на него. Самые значительные монашеские организации — это ордена иезуитов, францисканцев и доминиканцев, погруженные в мирские дела, вплоть до политики и институтов, формирующих общественное мнение. В истории католического монашества мы можем видеть не только лицемерие иезуитов или жестокость доминиканцев, обогривших в средние века всю Европу кровью и разработавших целую систему пыток, но также самоотверженных миссионеров, бескорыстных служителей бедным и несчастным, мучеников за свою идею. Однако мы найдем в них мало от той смысловой идеи, которая содержится в слове монах — «один», то есть ищущий единства с Единым. Этого не могут заменить не только горячие душевные порывы, но даже самоотверженная жизнь и героическая смерть: здесь духовное заменилось душевным и чувственно-эмоциональным. Сам готический собор — это как

АРХИМАНДРИТ РАФАИЛ (КАРЕЛИН)

бы образ того, что благодать ушла с земли на небо, потому что оскудела задолго до готики западное монашество. Если бы оно не было подточено, как ствол дерева, в последние века перед отпадением Рима от Православия, то, может быть, этого трагического события не произошло бы. Многим такая мысль покажется предвзятой, непонятной и даже парадоксальной, но монашество в своем чистом виде внедряет в менталитет людей другие идеалы, чем те, которые стали господствовать в папской курии в то время, и тогда Римский патриархат не поменял бы крест на меч.

Оскудела молитва, и вслед за ней оскудела любовь к Богу. Мистика заменяется моралью и уставами, а понятия о добре — благотворительностью (в древнерусском языке добро было синонимом прекрасного). Идеи католического монашества начинают просачиваться в нашу Церковь. Но для православного сознания монашество в миру — это неумение быть одному с Богом. Если западное монашество неумоно для исихии, то пусть, по крайней мере, не гордится своими внешними делами и служением миру, которое во многих случаях можно назвать апостасией (отступничеством) от завета святых Отцов и идеала древнего монашества.